

О, смотрите! Это самая высокая лестница, когда-либо созданная. Отличная степ-аэробика: она действительно прорабатывает ягодицы и икры — полный комплект. Он подошел и взглянул вниз; всё, что он видел, — это облака, витающие далеко-далеко внизу. — «О, Боже! У Талии будет сердечный приступ». Воздух был хрустящим и освежающим, но ему показалось немного странным то, что он вообще может дышать на такой высоте, учитывая, что Эверест, вероятно, достиг бы лишь половины высоты этой горы. — «Идёмте», — позвал Эонве. — «Вас ожидают в Особняке в Высоком Воздухе». Перси стоял в центре просторного зала. По обе стороны от него, среди колонн, стояли четырнадцать существ, излучающих силу и доброту, хотя он всё равно ощущал их способность превратить его в прекрасную кучу пыли, если бы они захотели. В конце зала находились два трона. На левом сидел мужчина, которому было около тридцати лет, с серебристыми волосами, длинными до плеч, и серебристой козлиной бородкой. Его глаза были пронзительно голубыми и устремились на Перси, когда тот вошёл в комнату; казалось, они заглядывали ему прямо в душу. Должно быть, это и был Манвэ, подумал Перси — Высший из Валар, о котором рассказывал Эонве. Рядом с ним сидела самая прекрасная женщина, которую Перси когда-либо встречал — настолько прекрасная, что словами это не описать. Она излучала такой свет и благородство, что ему пришлось побороть желание преклонить колени в благоговении. Он не мог не заметить, что она была недостижима, как муравей, который не сподобится назвать Афродиту прекрасной. Кстати, даже Афродита, по всей видимости, меркла по сравнению с красотой и грацией этой леди. Другие существа в комнате сильно различались между собой: одни были вооружены, другие — просто одеты, некоторые вообще не имели человеческой формы, сохраняя более неземной и хрупкий облик. Выражения их лиц варьировались от мрачных до полных надежды и суровых. Стоя перед всеми ними, Перси почувствовал себя так же, как в тот раз, когда он впервые предстал перед Зевсом и своим отцом после спасения Мастера Болта. Комната была наполнена такой мощью, и не все взгляды, обращенные на него, были дружелюбными; хотя он с некоторым облегчением заметил, что ни один из них не выказывал откровенной враждебности. Тем не менее, этого было достаточно, чтобы у него заурчало в животе, и он обнаружил, что не может произнести ни слова, хотя и пытался вымолвить что-то. — «Добро пожаловать, Персей», — произнес Манвэ, нарушив тишину. — «В Илмарин на Таникетиле». Его голос был чистым и мелодичным, словно прохладный воздух вокруг них. Когда он говорил, его слова резонировали внутри Перси, и он почувствовал, как его сердце тепло забило в груди, а спокойная уверенность наполнила его. — «Эм... привет, Лорд?» — немного неловко произнёс Перси, склонив голову. Затем он встал прямо, выпрямил спину и стал выглядеть чуть более уверенно. — «Лорды и леди», — вновь начал он, почтительно кивнув присутствующим. — «Почему... что именно я здесь должен делать?» Одно из существ попыталось сдержать фырканье, и Перси почувствовал, что оно выражает нечто близкое к разочарованию. Это существо оказалось мощным мужчиной — высоким и сильным. Его тёмные глаза пронзительно смотрели на Перси, но в них не было презрения, лишь сомнение. К его спине были пристёгнуты лук и колчан, а на боку висел рог. — «Это тот, кого Зевс послал нам, чтобы спасти Средиземье?» — спросил мужчина, глядя на Перси с чуть приподнятым подбородком, словно бросая молчаливый вызов. — «Ребёнок?» — «Прикуси язык, Ороме», — упрекнул его Манвэ, — «его послал Зевс, но я спрашиваю о нём в соответствии с волей Илуватара. У него сердце и ум воина, и его решения справедливы. Он достойный герой». Ороме выглядел слегка смущённым, но продолжал: — «Возможно, воля Илуватара ускользнула от меня, но этот ребёнок никогда не сможет противостоять Саурону. Даже его лейтенанты быстро расправятся с ним». Манвэ встал. — «Он не должен противостоять ни Саурону, ни кому-либо ещё. Не недооценивать его — это было бы мудро. Когда я говорю, что он достойный герой, вам стоит доверять моим словам, ибо я следую воле Эру Илуватара. Он совершил могучие деяния, о которых ты не знаешь». Ороме почтительно сел, не сердясь на мягкий упрёк, а скорее удивляясь словам Манвэ, и больше не заговаривал. Перси опустил глаза от комплимента, но вскоре снова спросил: — «Почему меня позвали? Для чего именно я был избран?» Он снова почувствовал спокойную уверенность, которая уже не была его

собственностью, и к нему пришли слова, о которых он не хотел думать. — «Да, я водил армии. Я поверг более могущественных врагов под ноги и избегал смерти. Неужели вы собираетесь спрашивать меня то же самое сейчас?» При его словах головы многих присутствующих почтительно склонились, и Манвэ стал серьезным. — «Саурон, падший дух тьмы и злобы, снова восстал с местью в своём почерневшем сердце. Он собрал армию, чтобы завоевать всё Средиземье и подчинить его своей власти, как он того желал на протяжении многих веков. Вы были вызваны из своего мира с мольбой о помощи, ибо без вас Средиземье падёт». Он слышал эту фразу и раньше, но, услышав её сейчас в свой адрес, Перси внутренне напрягся от того, что Манвэ говорил в манере, похожей на Зоэ, и задумался о логистике общения на староанглийском языке в разных мирах. Подавив это чувство и вытеснив мысли из головы, он спросил: — «Почему бы вам просто не вмешаться и не уничтожить этого Саурона? Конечно, вы более чем способны на это. Или почему бы не послать великого эльфийского воина или что-то в этом роде?» Манвэ покачал головой. — «Как богам вашего мира запрещено вмешиваться, так и нам запрещено напрямую менять ход истории. Более того, в появлении и возвращении Саурона виноват человек, и именно он должен нести бремя его поражения и боль его зла». — «Так почему же я?» — в замешательстве спросил Перси. Манвэ с лёгкой улыбкой наклонил его голову. — «Олимп высоко ценит тебя, Персей, и я знаю истории о том, что ты совершил. Ты был избран за своё сердце, ибо зло не может быть уничтожено ещё большим злом». — «Но что именно я должен делать?» — «Ваша задача — защитить Средиземье и его народы от постоянно растущей хватки Саурона и его бесчисленных приспешников, бродящих по земле. Но как вы это сделаете, решать только вам». Перси почувствовал, как внутри него растёт разочарование, а спокойная уверенность, которая странным образом наполняла его ранее, начала угасать. «Но я не знаю, что делать в Аиде!» Он вздохнул и коснулся переносицы, стараясь взять под контроль эмоции, которые стремительно вырывались на поверхность после безумия прошедшего дня. — «Как я могу спасти мир, если не знаю ни об этой земле, ни о ее людях? Как я смогу спасти Средиземье в одиночку?» Манвэ печально покачал головой, в его глазах читалось сочувствие. — «Но, Персей, ты не останешься один. Когда ты придешь в Средиземье, найди моего друга Олорина. Его будут звать Гэндальф, и он поможет тебе в твоём пути». В его голове всё гудело, и Персей повторил это имя. — «Олорин, Гэндальф — встретить человека, следовать за ним, понял». — «И, Персей, помни... мы говорим тебе немного не потому, что нам нравится видеть твою неуверенность, а потому, что этот путь — твой. Воля Эру мне известна, но я не могу принудить тебя к действию. Действия, которые ты выберешь, — твои. Но те, кого ты встретишь на этом пути, помогут тебе и вернут надежду в Средиземье». Он медленно кивнул, чувствуя себя хоть немного менее раздраженным отсутствием информации, чем когда его собственные боги проделывали подобный трюк, хотя бы потому, что они, по крайней мере, были честны с ним. — «Так это всё?» Манвэ торжественно кивнул. — «Прощай, Персей. Пусть удача улыбнется тебе в твоём путешествии, и не забывай, кто ты есть». И с этими словами Манвэ щелкнул пальцами, и всё вокруг погрузилось в черноту.